

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	170
Часть третья	269
Часть четвертая	375

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

Маленькая речка, густо заросшая по берегам тальником и низким осинником, в самом центре деревушки круто заворачивает влево, образуя почти прямой угол. Оттого, видимо, и деревня называется Локти.

С трех сторон опоясывает ее неширокой лентой сосновый бор, а с четвертой, с северной, раскинулось большое озеро Алакуль.

За бором, прижавшим деревушку к самой воде, поблескивают на солнце плоскими лысынами редкие холмы. Выбегая из деревни, пробиваясь сквозь зеленый заслон, вьется между ними, свинцово отсвечивает пылью единственная дорога.

Весной отлогие склоны холмов распахивают, и тогда, если взойти на самый высокий из них, кажется: на старую, застиранную прошлогодними осенними дождями, вылинявшую под солнцем, до блеска заглаженную ветрами землю наложены новые черные заплаты.

А дальше за холмами начинаются непроходимые леса и болота. Они тянутся на много километров. Среди лесов попадаются иногда небольшие, домов в пятьдесят-семьдесят, деревеньки, жители которых задыхаются летом от болотных испарений. Эти испарения, если дует южный ветер, доносятся и до Локтей. Тогда в домах плотно закрывают окна и говорят:

— Задышало Гнилое болото. А ведь и там люди живут... Господи...

6 Локти — селение тоже небольшое, всего в несколько безымянных улиц. Но крайние дома так далеко разбрелись по берегу речки, что от одного конца до другого будет километра четыре. К этим домам протоптаны тропинки. По бокам тропинок растет высокий бурьян. К середине лета его выкашивают, — потому что после утренних рос или дождя пробраться к домам, не вымокнув по пояс, нельзя.

Главная улица деревни, широкая и пыльная, засажена тополями. Одним концом она упирается прямо в озеро, другим — в стену соснового бора.

В этих лесных и болотистых краях днем с огнем не сыщешь камня. Зато отлогий берег озера, там, где впадает в Алакуль речушка, щедро завален мелким галечником. А справа и слева от речушки, в полкилометре от устья, беспорядочно громоздятся угрюмые, голые скалы. Живший в Локтях ссыльный студент Федор Семенов называл почему-то галечник на берегу и эти скалы «шуткой природы». Часто он, пошевеливая густыми, черными как смоль бровями, подолгу любовался, как искрятся гранитные глыбы под лучами солнца. Жителям это казалось странным, а сам ссыльный чудаковатым человеком. «Скалы и скалы — эка невидаль». Они привыкли к скалам, как привыкли к озеру, к лесу, к болотам, к повседневной своей нелегкой жизни.

На берегу всегда веером рассыпаны лодки. Они похожи на громадных черных рыб, которые выплыли из пучины, приткнулись головами в мокрые камни и теперь с любопытством наблюдают, что происходит в деревне.

Около лодок целыми днями барахтаются в воде ребятишки. Зато под скалами никто никогда не купается, потому что там очень глубоко и тяжелые зеленоватые волны угрожающе плещутся, разбиваются о гранит даже в тихие дни.

Дремучий лес еще не так давно покрывал всю возвышенность за деревней. Но год от году деревья вырубали, жгли, по метру отвоевывали землю под пашни.

И наконец засвистел по скользким, лоснящимся 7
от жира холмам упругий ветер.

А узкая полоска леса за околицей так и осталась нетронутой, отгораживая деревню от пахотных полей, от небосклона, от всего мира.

До ближайшего крупного поселения было верст пятьдесят. Говорили, что есть где-то далеко, за озером, большой город. Но где именно — знали только староста Гордей Зеркалов, два-три работника локтинского богатей Алексея Лопатина, возившие оттуда товары для его лавки, да сам Лопатин. Добраться до города можно было лишь зимой, когда устанавливалась дорога по озеру.

Лениво текла по деревне небольшая речушка, в мелкой и мутной воде ее плавали полусонные пескари. Так же лениво и сонно текла жизнь в Локтях.

С тех пор как началась война, деревня и вовсе будто вымерла. Ссылный студент куда-то исчез. Говорили, что сбежал. Мужиков взяли на фронт. А те, что пока остались, старались не показываться на улице, будто боялись потревожить застоявшуюся над Локтями тишину.

Но за год войны эта тишина нет-нет да и нарушалась. Случалось это обычно в дни доставки почты. То одна, то другая баба, ничего не видя перед собой, сжимая в кулаке страшную, только что полученную бумажку, бежала от дома старосты Гордея Зеркалова, завывая:

— А-а-а-а-и-и-и!

И все знали: осталась жена без мужа, дети без отца, семья без кормильца.

Крик постепенно захлебывался и стихал, придавленный висевшей над деревней тишиной.

* * *

День распалился вовсю.

Старый бородатый цыган с большой серьгой в левом ухе медленно ехал по улице Локтей в скрипучем, рас-

8 шатанном ходке и, поворачивая голову по сторонам, лениво и певуче выкрикивал:

— Коновалить кого есть?.. Есть кого коновалить?..

Иногда из какого-нибудь домишка выходили и молча махали рукой. Цыган-коновал останавливал ребристую, лохматую, как и сам, лошаденку, бросал ее прямо на улице и, захватив с собой обшарпанную кожаную сумку с нехитрыми инструментами, шел за хозяином в сарай. Лошаденка, мотая от жары головой, терпеливо ждала его возвращения.

Проехав из конца в конец улицу, цыган свернул в переулок и поехал, как обычно, к Бородиным. Их низенькая избенка с двумя тусклыми оконцами стояла на самом краю Локтей, упираясь огородом в стену леса. Была похожа она чем-то на подгулявшую старушонку, которая, вывалявшись в грязи, теперь сидела, согнутая, на земле, непонимающе посматривая на мир выпцветшими глазами.

Хозяин дома Петр Бородин, сухой, желтый старик с поредевшей бородашкой, увидев в окно цыгана, выскочил во двор, испуганно огляделся по сторонам и, впустив коновала в избу, усадил его подальше от окон. Он торопливо и угодливо суетился вокруг гостя, избегая смотреть ему в глаза.

Цыган расстегнул рубаху, достал из-за пазухи тяжелый кожаный мешочек, такой же обшарпанный, как и сумка, долго его развязывал. Петр Бородин нервно облизывал сухие губы. В бесцветных глазах его вспыхивал и гас, вспыхивал и гас огонек, крючковатые руки начинали трястись. Цыган брезгливо усмехнулся, кинул Бородину смятую разлохмаченную бумажку.

— На...

— Нету... Теперь уже не занимаюсь, нет... За это знаешь теперь что? Того и гляди тюрьма... Поволокут — только ногами застучишь...

И он снова опасливо глянул в окно.

Коновал достал из мешочка еще одну радужную бумажку.

Убьешь ведь, а?

— Господи, Христос с тобой! — побледнел Петр Бородин. — Мы — люди ведь... А ты... э-э...

Старый Бородин говорил длинно и сбивчиво, словно оправдывался. Цыган сидел на лавке у порога, покачивая головой, задумчиво мямля в толстых грязных пальцах деньги. Наконец он бросил старику вторую бумажку. Петр Бородин спрятал ее в карман холщовых штанов и быстро засеменил к выходу.

Через несколько минут возвратился, держа в руках отпотевшую, облепленную мякиной бутылку с синеватой жидкостью.

Цыган молча, стакан за стаканом, выпил весь самогон, вытер рукавом влажные толстые губы.

— А я вот убивал, — сказал он, возвращая пустую бутылку. Бородин только торопливо перекрестился. — При... приходилось. Ну, ну, ты... не трясись. Убивал... которые... попадались иной раз в лесу... ночью. Дело такое — наконовалю так вот за недельку, за две... Иные позарятся, ну и... Или тебя, или ты...

«Много уж ты наконовалишь, — подумал Бородин. — Не с этого у тебя золотишко-то водится».

— Оружие, стало быть, есть? — осторожно спросил он и тут же пожалел: цыган полоснул его черными, острыми как нож глазами, но ничего не ответил, только похлопал огромной волосатой рукой по карману широченных шаровар.

— Ну да, ну да, как же... всякие людишки болтаются по лесам, — торопливо замотал головой Бородин.

Цыган, пошатываясь, вышел из избы, сел на заскрипевший под ним ходок и поехал, негромко затянув непонятную песню. Его долго сопровождали улюлюкающие деревенские ребятишки.

Ходок давно скрылся за поворотом, а старик все еще стоял у окна, словно видел, как коновал, покачиваясь, едет по лесу, мимо болот, через глухие, пустынные ме-

10 ста. Бородин не шевелился, только заскорузлые пальцы чуть дрожали да приподнимались и опускались кустистые белесые брови. Он не заметил, как со двора вошла жена. Вытирая платком слезящиеся глаза, она села на табуретку и закашлялась. Чахоточный румянец на ее щеках проступил еще ярче.

— Много дал-то? — спросила она, растирая рукой плоскую грудь.

— Сколько дал — все наши, — ответил Петр, отходя наконец от окна.

— В больницу бы мне, — тихо проговорила жена. — Кровью вон кашляю.

— Легко сказать — в больницу. — Старик скривил губы, поскреб всеми пальцами в затылке. — А платить чем? Болотной мяты попей вот...

— Пропаду я с твоей самогонкой — тогда все тебе останется, — с горечью сказала женщина. — В бане гниль, чад... Я ведь на пятнадцать годов тебя моложе, а кто поверит?

Бородин прошелся по комнате, побряхтел, стиснул рукой в кармане влажные бумажки.

— Бог терпел, Арина Маркеловна, и нам велел. Вот если бы... Через месяц, поди, опять приедет цыганишка-то... Тогда бы и в больни...

Старик запнулся на полуслове, попятился под взглядом жены.

— Ты! Ты опять за свое! — с отчаянием вскрикнула Арина, приподнялась, шагнула вперед, но тотчас остановилась. Она смотрела широко открытыми глазами, но не на мужа, а куда-то поверх его головы.

— Так что ж? Жить надо ведь... А ему что? Пропьет. А мы бы... Э-э! — бормотал Петр Бородин торопливым, свистящим шепотом. Шепот этот будто обезоружил женщину, отнял у нее все силы. Она тяжело опустилась на прежнее место и опять долго и тяжело кашляла.

— Я с твоей курилкой... будь она проклята, света белого не вижу. Все боюсь — вдруг дознаются. А ты еще... Гос-

поди, дай хоть помереть спокойно. Ведь меня обди- 11
рает всю, как подумаю: в себе-то чего носишь?..

— Ну ладно, ладно. Бог с ними, с деньгами. Я к тому, что без нужды они ему.

Июльское солнце, казалось, насквозь прожигало ветхую избенку Бородиных. Прямые полосы света косо падали из маленьких окон на сучковатый, некрашенный пол и расплывались там желтоватыми масляными пятнами. Старик Бородин почему-то осторожно обходил их, словно боялся поскользнуться.

Арина долго еще сидела на табуретке не шевелясь.

— Ну, чего? — спросил Петр, останавливаясь возле нее. — Иди.

Вздвогнув, она поднялась, пошла к двери.

— Мы пропадем — один конец. О Гришке-то хоть подумай, пожалей. Ему ведь жить, — сказала Арина, оборачиваясь в дверях.

— Да сгинь ты с глаз, чтоб тебя!.. — взорвался вдруг Петр. — Я же сказал: бог с ними, с деньгами. Пусть пропивает их хоть в три цыганских глотки. — И тут же добавил тише, спокойнее: — А то не думаю я об нем... Гришке жить-гулять недолго осталось — солдатчина на носу. Вот и поразмысли сама...

К чему было сказано это последнее: «Вот и поразмысли сама», Арина не поняла.

* * *

Мысль «выбиться в люди», разбогатеть, стать крепким хозяином сидела в Петре, как гвоздь в бревне. Глубоко кто-то загнал этот гвоздь в дерево, по самую шляпку, прижавел он там, и уж не вытащить его никакими клещами. Шляпку сорвешь, а гвоздь все-таки останется внутри. Разве вот расколоть бревно надвое...

Мечта была, но денег от того не прибавлялось, сколько ни экономил Петр от заработков жены, сына, своих собственных. С горя заходил иногда в деревен-

12 скую лавку Алексея Лопатина, приторговывавшего потихоньку водочкой, напивался.

Но однажды, когда Петр Бородин спросил по привычке бутылку водки, лавочник только угрюмо усмехнулся.

— Что, нету? — недоверчиво переспросил Петр.

— Есть, да не про твою честь. Запрещено теперь. Строго насчет этого.

«Тебе, черт пузатый, и раньше никто не разрешал торговать ею», — подумал Бородин, а вслух спросил:

— Почему запрещено?

— Война, — коротко ответил лавочник, будто Бородин сам не знал об этом.

Несколько дней Петр Бородин ходил молчаливый, что-то соображая. Потом начал гнать в бане самогон.

Однако капитала на этом нажить было тоже нельзя. Видя, что затея пустая, Петр хотел уже разбить аппарат, тем более что жена ныла день и ночь: «Дознается — пропадем. Сына-то пожалей...» Но тут появился в их доме цыган-коновал со своим кожаным мешочком. Краем глаза видел как-то Петр, что не только деньгами набит мешочек; колючим ослепительным огоньком блеснуло однажды между грязных пальцев цыгана золото — не то часы, не то кольцо... И Петр тотчас смутно подумал: «Нет, не надо разбивать пока аппарат. Не будет самогонки — не заглянет больше цыган ко мне в дом...»

А сейчас, сидя у окна, Петр размышлял, что цыган снова придет...

Через дорогу напротив, у самой стены дома, расплавленным золотом горели под солнцем битые стекла, кололи, заставляли слезиться глаза. Но Петр Бородин смотрел на них не отрываясь, не мигая и, казалось, ни о чем не думая...

2

Цыган действительно приехал через месяц.

Петр Бородин кинулся в сараюшку, где заранее припрятал бутылку самогона для коновала, а рядом с ней

небольшой пузырек с темной жидкостью. Торопливо разрыл трясущимися руками солому. Бутылка была на месте, пузырек исчез.

С минуту Петр сидел на соломе растерянный, красный, пытаюсь что-то сообразить. Потом тихо, потеряв неожиданно голос, позвал:

— Арина!.. — И погромче: — Ари-ина!!

Жена вошла в сарай с огорода. Завидев ее, старик молча встал, медленно, не разгибаясь, будто крадучись, пошел к ней. Глаза его сделались круглыми, остро поблескивали в полумраке. Молча он схватил жену за горло крючковатыми пальцами. И уже потом прошипел:

— Ты?.. С-стерва!..

— Брось... все... брось... Я его... в озеро... пузырек-то... от греха, — задыхаясь, шептала Арина.

Казалось, Петр с трудом выдавливает из нее по одному слову.

— Ах ты!.. Сука старая!.. А вдруг цыган не приедет больше? А?

— Проп... пропадем ведь!..

— Где?! Задушу сейчас, коли правда в озеро кинула!..

— Правда...

— У-у-о!.. — глухо завыл Петр Бородин и, не помня себя от охватившей его злобы, уже изо всех сил сдавливал жене горло. Она, обмякшая, посиневшая, опустилась на колени.

— Вон там, на средней полке, — прошептала Арина почти без сознания.

Только теперь Петр разжал пальцы. Жена мягко, без стука упала на пол и, открывая рот, стала жадно глотать сырой, пахнувший навозом воздух.

Петр Бородин перешагнул через нее, подошел к шкафчику, прибитому в углу сарая. Там валялись на полках гнутые гвозди, старые гайки, ржавые железки, стояли банки с дегтем, колесной мазью. Бородин торопливо шарил руками по средней полке. Нашупав пузырек, зажал его в кулаке, облегченно засмеялся и пошел

14 за бутылкой. Но отчего-то неожиданно почувствовал слабость. Резко закружилась голова. Он опустился на солому возле жены, посидел с полминуты.

Вдруг ему показалось, что он сидит тут уже давно-давно, несколько часов, и цыган, не дождавшись его, уехал. Он вскочил, схватил бутылку, выдернул пробку, сделанную из дряблой морковки, и налил в самогон из пузырька несколько капель.

Пока спешил к избе, в голове тупо колотилось одно и то же слово: «Уехал, уехал...»

Цыган сидел на прежнем месте, на табурете возле печки. Повернув навстречу Петру коротенькую смоляную бороду, спросил:

— Что долго?

Глаза Петра застилало черным туманом, в ушах что-то гудело, и он едва расслышал голос коновала.

— А-а... — растерянно заморгал глазами Петр и замолчал. — Э-э... с женой худо случилось... схватило в сарае, лежит там... Вот... — и протянул бутылку.

Цыган, ни слова не говоря, выпил весь самогон прямо из горлышка, помотал головой и вышел из избы. А Петр вытер холодный пот со лба. Когда сел на лавку и прислонился к стене, почувствовал — спина тоже мокрая и по всему телу ползет озноб...

Не сразу до его сознания донеслись удаляющиеся крики ребятишек. Значит, цыган поехал из Локтей! Петр глотнул сухим ртом воздух, метнулся к двери, схватил у порога топор.

В комнату, пошатываясь, вошла жена.

— Пропали мы... Господи... — простонала она. Опустившись на табуретку у печки, уронила голову на грудь.

— Не вой, сказал... — И добавил как-то плаксиво и жалобно: — Из-за ва-ас же...

Огородами Петр Бородин торопливо побежал к сосновому бору и нырнул в него. Он не замечал, что ветви хлещут по лицу, что ноги путаются в траве.

Когда увидел дорогу — цыган ехал уже между холмов. Лошадь плелась шагом. Коновал сидел на ходке как-то неестественно прямо. Широкая спина его тихо покачивалась из стороны в сторону.

Дорога делала здесь большой крюк. Петр смотрел вслед коновалу и часто-часто крестился. Потом пригнулся и, сокращая путь, побежал напрямик, по бездорожью, к чернеющим за холмами деревьям.

Где-то еще не кончился день, а здесь, в лесу, густились вечерние сумерки. Старик, тяжело дыша, прислонился к толстой сосне. Колени его подгибались, в горле першило. Донесшийся скрип колес словно подрезал Бородин, и он рухнул на землю, усыпанную старой ржавой хвоей, оцетинившимися сосновыми шишками. Сквозь придорожный кустарник увидел проезжающий мимо ходок. Цыган сидел по-прежнему прямо, точно в него воткнули железный стержень, и все так же тихо покачивался.

Когда скрап колес стал почти замирать, Петр Бородин, не выпуская топора, с трудом поднялся и заторопился следом. Но едва впереди, за поворотом, показался ходок, Бородин отпрянул в сторону, за кусты, терпеливо ждал, пока коновал удалится, шепча: «Господи!.. Не понес бы черт кого навстречу...»

Солнце садилось. Из глубины леса потянуло гнилой, болотной сыростью.

На одном из поворотов дороги Бородин, осторожно выглянув из-за кустов, не увидел ходка: скрип раздавался дальше, где-то за деревьями. Задышавшись, Бородин тяжелой рысцой побежал вперед и вдруг запнулся за что-то большое и мягкое. Поперек дороги лежал цыган.

Когда Петр перелетел через него и плашмя упал на плохо уезженную дорогу, коновал пошевелился и тяжело приподнялся на локте. Несколько секунд они смотрели друг на друга, не поднимаясь с земли. Да один из них и не мог подняться. Он понял все и уронил голову.

А Петр Бородин, лежа на земле, торопливо шарил вокруг себя, ища выпавший из рук топор. Потом сел на

16 короточки и так застыл: коновал опять приподнимался.

Равнодушный, погружающийся в густую холодную темень лес молчал, точно ожидая, что же будет дальше. Сквозь ветви сосен, почти сомкнувшихся над дорогой, осторожно проглядывала бледноватая распухшая луна.

Наконец Бородин, не разгибаясь, пододвинулся к цыгану. Слабо блеснуло лезвие топора и тотчас погасло, но цыган, очевидно, догадался, что это за блеск, и застонал — негромко, страшно, не разжимая губ.

— Ты прости Христа ради... Великий грех-то на душу — легко ли? А жизнь-то такая... Ты пойми, пойми... — приближаясь, шептал Бородин.

Услышав голос, цыган опять застонал, чужими, негнущимися пальцами принялся расстегивать старую черную рубаху. Пуговицы не поддавались. Тогда он рванул ворот, снял с груди тяжелый кожаный мешочек, собрав последние силы, бросил Бородину и, уткнувшись лицом в землю, захрипел:

— На, бери... Только меня... не надо... Отдышусь, может... никто не узнает.

Мешочек не упал на землю, старик подхватил его на лету и, почувствовав в руках тяжесть, беззвучно рассмеялся.

Но это была секунда. В следующее мгновение Бородин сунул мешочек за пазуху, поднялся во весь рост и уже твердым шагом подошел к цыгану.

— Не узнают, говоришь, людишки-то? — спросил он, чуть нагибаясь к лежащему у его ног коновалу. Спросил тихо, но властно, с таким чувством, будто стал теперь владельцем не только заветного кожаного мешочка, но и Локтей, и всей земли. — Оно верно: не узнают!

И, неторопливо размахнувшись, ударил коновала топором по голове.

А удар пришелся будто по его собственной. Петр Бородин даже ощутил, как лезвие топора — не то горячее, не то холодное — прошло сквозь череп и застряло там. В ушах зазвенело, а перед глазами, в темноте, как и пол-

часа назад, когда он бежал за телегой, поплыли 17
оранжево-зеленоватые круги.

... Сколько времени просидел Петр Бородин на дороге — он не знал. Кругом стояла темень. Не было уже ни луны, ни звезд — небо, очевидно, затянуло тучами. Казалось, кругом на много верст нет, кроме него, никого живого.

Бородин сунул руку за пазуху, вытащил кожаный мешочек, подержал в руке, пытаясь зачем-то разглядеть его в темноте, и спрятал обратно.

Потом нагнулся, взял цыгана за плечи и потащил с дороги в кусты.

3

Локтинские парни, рубившие лес для постройки церкви (старая сгорела нынешней весной от несчастного случая), обедали на примятой сочной траве. Пообедав, молча закурили. Разговаривать никому не хотелось.

Гришка Бородин, костлявый, остроплечий, с рыжими, торчащими во все стороны вихрами, встал, сделал несколько шагов, сильно размахивая руками.

Странные это были руки. Длинные и тонкие, они кончались широкими, как лопаты, мозолистыми ладонями. Страшная сила таилась в них. Гришка легко завязывал в узел гвозди, вызывая восхищение и зависть локтинских мужиков.

Взяв в правую руку палку, он левой обхватил ствол дерева и проговорил, обращаясь к сидевшим парням:

— А ну, двое кто-нибудь, которые посильнее, держите. Выдернете — рубль отдаю. А нет — с вас по полтине.

Принять вызов Гришки Бородина никто не торопился. Наконец двое поднялись, поплевали на ладони. Но сколько ни дергали — ничего не добились. Казалось, палка была зажата не в руке Григория, а в клещах.

— А ну, третий еще! — торжествующе крикнул Гришка, поблескивая круглыми, как у отца, близко посаженными глазами.

18 И втроем не могли ничего сделать, только ладони ободрали о сучки. А Григорий насмешливо скривил губы, отбросил палку и вытер пот с маленького лба.

— Вот так! — проговорил он. — Что уж возьму — намертво. Никто не выдернет, не отберет.

— У тебя вся сила в руках, как у рака в клешнях, — заметил Андрей Веселов, рябоватый парень с густыми и жесткими, как конская грива, волосами. — А ударь тебя щелчком по лбу — ты и с копыт долой. Только в воздухе ногами брыкнешь.

— Я те ударю, — вдруг зло огрызнулся Григорий.

Его небольшие круглые глаза недобро поглядывали откуда-то из глубины, из-под нависшего плоского лба, ноздри раздувались, а нижняя челюсть неестественно выдалась вперед.

— Что же, попробовать можно, — лениво отозвался Веселов.

— Я те попробую, — тем же тоном проговорил Григорий, но, видя, что Веселов поднимается, трусливо сделал несколько шагов назад. — Но... ты... рябой дьявол.

— Охота тебе, Андрей, с таким связываться... — проговорил один из парней, коренастый, плотный, как камень, Тихон Ракитин — первый силач в Локтях. — Не тронь ты его, а то к речке стираться побежит.

— Я тебя схвачу где-нибудь... в узком месте поперек глотки, — отойдя в сторону, пробормотал Григорий, вытаскивал огромную, увесистую руку из кармана и показал Веселову. — Тогда попробуй вывернуться... Пискнешь только...

Андрей отвернулся, лег на мягкую траву спиной к Григорию.

— Что вы все как кошка с собакой? — спросил у Андрея Ракитин.

Веселов не отозвался. Ответил Ракитину долговязый, быстрый, как выюн, Федот Артюхин.

— Известно что... Дуняшка промеж них проскочила.